

ДУДАРЕВА Марианна Андреевна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка № 2
Российского университета дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Marianna A. DUDAREVA

Cand. Sci. (Russian Literature),
RUDN University
(Peoples' Friendship University of Russia),
Moscow, Russian Federation,
marianna.galieva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4950-2322

УДК [130.122:164.223.4]:82-14=161.1"19"
ГРНТИ 13.11.25
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.007

Апофатический горизонт русской поэзии, или что увидел есенинский клен

The Apophatic Horizon of Russian Poetry, or What Yesenin's Maple Saw

Апофатика русского языка и культуры, проявляющаяся на концептуальном уровне языка, составила проблемное поле исследования. Целью данной работы является анализ способа создания апофатического эффекта (в русском варианте логоцентризма, связанного с Танатосом и Эросом) поэтическими средствами. В центре исследования – апофатическая составляющая художественной словесной культуры. Материалом для исследования послужил текст стихотворения Есенина «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...». Методология сводится к целостному анализу художественного текста с применением онтогерменевтического подхода. Автор отмечает присутствие в стихотворном тексте двух этосов – жизни и смерти. Проводятся параллели с фольклорной традицией, волшебной сказкой, для которой аксиологически и онтологически важен поиск «инога царства», имеющий апофатический характер. Через обращение к мифу и фольклору можно декодировать темные апофатические места в авторском есенинском слове.

Ключевые слова: апофатика культуры, апофатический горизонт, фольклор, миф, «иное царство», поэтика Есенина, этос.

Сегодняшний день апофатичен. Распространение коронавирусной инфекции, напряженная работа социальных институтов смерти, экономический кризис, непрекращающиеся военные действия в мире погружа-

ют человечество в энтропийное состояние, духовный кризис, который или разрешится гибелью, или приведет к новой жизни [15]. Однако апофатичной стала не только смерть, но и жизнь. Разобраться в сегодняшнем дне

гинация) лирическим героем. Клен у Есенина антропоморфен, клен больше, чем просто дерево,— можно говорить о древесном коде, который функционирует в художественном мире поэта, обретая разные формы (о духе от дерева написано еще в 1918 году в «Ключах Марии»). В этом стихотворении клен выходит за деревню, на дорогу, и с ним попадает в чужое, открытое, потенциально опасное пространство поля и лирический герой:

И, как пьяный сторож, выйдя
на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.
Ах, и сам я нынче чтой-то стал
нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.
[6, с. 233]

Зачем вдруг клену, вросшему в землю, куда-то выходить? Как вообще дерево может совершать перемещения в пространстве? Если довольствоваться только прямым указанием на время года в стихотворении, относя его к лирике о природе, и линейным принципом «рождения-умирания», который несут в себе деревья и растения [11, с. 197], то мы лишимся онтологического смысла и не приблизимся к апофатическому горизонту поэзии. Если же прочитывать, вслед за Есениным, древесный код, растительный орнамент в свете языческих представлений, то следует говорить об *иерофании* (в терминологии М. Элиаде [23]), которая открывается нам через систему дендронимов в поэзии. Отсюда и сакрализация, и апофатизация древесного мира — действие разворачивается на грани было / не было:

Там вон встретил вербу, там сосну
приметил,
Распевал им песни под метель о лете.
Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всю зеленным.
[6, с. 233]

Сам себе казался (казался в значении «представлялся кленом») — ключевая фраза для понимания и реконструкции ритуального контекста произведения. То есть происходит не только уподобление клена человеку, но и обратный процесс, который нередко

встречаем в художественной лаборатории поэта: «В литературной работе С. Есенина, как и в народном творчестве, мы встречаемся и с обратным перенесением тех или иных свойств природы на человека» [13, с. 77]. И что же ищет этот *сторож-клен*? Эти предельные вопрошания не имеют определенного ответа. Но в русском варианте бытия важен поиск «иног царства», актуализировавшийся в начале некалендарного XX века, о чем говорил в своих лекциях о русской сказке философ Е. Н. Трубецкой [19]. Есенинский клен-человек пустился в путь, потому что *что-то* увидел или услышал, и в этом *что*, в этом апофатизме русской метели и есть поиск инобытия, с которым мы сталкиваемся уже в русской сказке (формулы «иду туда, не знаю куда», «ищу то, не знаю что»). Русский фольклор, являясь богатейшим источником апофатизма культуры, инспирирует художественное писательское бытие.

В этом фольклорном духовном поиске, в самом процессе постижения «иног царства» соединяется *этос жизни с этосом смерти*: лето и зима, юность и старость (опавший клен), жизнь и смерть (метель).

Интересно, что в раннем творчестве у Есенина выявляется вектор движения *отсюда туда* (в вечность):

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.
[6, с. 39]

В позднем творчестве, в стихотворении «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...», вектор движения в онтологическом плане изменен — *оттуда сюда*, через смерть к жизни в новом качестве:

И, утратив скромность, одуревши
в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.
[6, с. 233]

Поиск «иног царства» в русской сказке имеет двунаправленный характер, и завершается он возвращением героя в мир живых — в перерожденном виде — с вещей невестой, чудесным волшебным предметом, сакраль-

ными знаниями [4]. В этой связи возникновение в стихотворении о клене дендронима «береза», характерного в целом для поэтики Есенина и являющегося *национальным маркером* в русском космо-психо-логосе, по наблюдению Г.Д. Гачева [2, с. 33], не случайно. Здесь береза также антропоморфна, и, что более важно, с ней лирический герой вступает в *ритуальный брак* (береза-жена). Кроме того, береза связана одновременно с этосом и жизни, и смерти. По славянским представлениям, береза наделена амбивалентными коннотациями: связана с судьбой, счастьем, с душами умерших [1]. Береза задействована во многих обрядах жизненного цикла, ее используют в троицкие или купальские дни (завивают березку, плетут венки), она сопряжена с женским архетипом [7]. Есенинский герой, *внук купальской ночи* (стихотворение «Матушка в купальницу по лесу ходила...»), приобщен к этим древним представлениям о мире.

Значимо то, что клен, и с ним лирический герой в данном стихотворении, предположительно, погружены в лиминальное состояние (пьянство здесь тоже носит ритуальный характер) и поиск «иног царства», на что указывают вопросы-вопрошания (что увидел? что услышал?). *Апофатический горизонт* этого стихотворения связан с постижением предельных сущностей, с ответом на вопрос, не предполагающий катафатического объяснения: «...ценность „предельного вопрошания“ не содержится в ответе, а именно в удержании напряженности вопроса, который остается открытым без окончательного ответа» [10, с. 42]. Лирический герой через имажинативное видение и проживание дей-

ствительности (клен — имагинация наяву) приобщается к *инобытию*.

Вертикальная трансмиссия словесной культуры, возникающая внутри диалектической триады *миф — фольклор — литература*, позволяет проникнуть в апофатическое пространство идеалов, к которым устремлен в своей поэзии Есенин. Символическая многозначность, антропоморфность и клена, и березы создают *апофатический эффект* в стихотворении поэта, онтологический смысл которого можно понять, обратившись к мифологическим универсалиям, фольклорной традиции, *иномирной парадигме* волшебной сказки. Дендронимы играют важную роль в образной картине мира Есенина и связаны с универсальными (повторяющимися) в традиции русской поэзии образами типа *тополь — сторож, клен — сторож* [17, с. 48] [18, с. 23]. Архаические представления о мире инспирируют его художественное авторское слово: так происходит передача сакральных знаний на уровне больших подсистем — от фольклора к литературе. Апофатика в современных исследовательских парадигмах перешла из чисто богословской и философской сфер в проблемное поле культурологии; апофатический метод позволяет приблизиться к постижению предельных сущностей, Абсолютов культуры, в частности феномена смерти как ценности культуры, и сегодня этоса жизни, который тоже стал апофатичен и танатологичен. Представляется, что дальнейшее исследование избранной темы лежит в плоскости расширения объема литературного материала, что позволит с большей основательностью апробировать разработанную методологическую схему.

Marianna A. DUDAREVA

Cand. Sci. (Russian Literature),

RUDN University

(Peoples' Friendship University of Russia),

Moscow, Russian Federation,

marianna.galieva@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4950-2322

***The Apophatic Horizon of Russian Poetry,
or What Yesenin's Maple Saw***

Abstract. The apophaticism of Russian language and culture, which manifests itself at the conceptual level of the language, has formed a problem field of research. The aim of the article is to analyze a method for creating an apophatic effect associated with Thanatos and Eros in the Russian version of logocentrism. At the center of the research is the apophatic component of Russian artistic verbal culture. The material for the study was the text of Sergey Yesenin's well-known late poem "Oh My Dear Maple, Frozen Stiff and Bare". The methodology is reduced to a holistic analysis of the literary text using an onto-hermeneutic approach and a semantic method of research, which can bring the recipient closer to the apophatic horizon of poetry. The author notes the presence in the poetic text of two ethoses – of life and of death, which are marked in the poem by the dendronyms "maple" and "birch", respectively. In Yesenin's poetic world, the role of dendronyms is great: through the images of the maple and the birch, the poet's ideas about the world, which coincide with the folklore archaic ones, are revealed. Yesenin's maple is anthropomorphic, it is more than just a tree: there is a tree code that functions in the poet's artistic world and takes on different forms. The symbolic ambiguity and anthropomorphism of both the maple and the birch create an apophatic effect in the poem. The author of the article draws parallels with the folklore tradition, the fairy tale, for which the search for "another kingdom", also apophatic in nature, is axiologically and ontologically important. Through myth and folklore, it is possible to decode the dark apophatic places in Yesenin's authorial word. The study results in the identification of the ontological plan of "Oh My Dear Maple, Frozen Stiff and Bare", which is associated with the apophatic questions and the thanatological subtext in the poem. In modern research paradigms, apophaticism has moved from the purely theological and philosophical spheres to the problem field of cultural studies. Thinking about the art of words and the "yesterday" of our art in the apophatic aspect helps to approach the comprehension of ultimate essences, the absolutes of culture: among others, the phenomenon of death as a value of culture, and the ethos of life, which has also become apophatic and thanatological. Thus, it is possible to trace the vertical transmission of culture through an appeal to the myth and folklore that inspire Yesenin's artistic existence.

Keywords: apophaticism of culture, apophatic horizon, folklore, myth, "another kingdom", Yesenin's poetics, ethos.

Использованная литература:

1. Виноградова Л. Н., Усачева В. В. Береза // Славянские древности: в 5 т. М.: Международные отношения, 1995. С. 156–160.
2. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008.
3. Дударева М. А. Апофатика русского языка и культуры в творчестве Н. С. Гумилева (на примере стихотворения «Жираф») // Наследие веков. 2020. № 1. С. 98–104.
4. Елеонская Е. Н. Представление «того света» в сказочной традиции // Сказка, заговор и колдовство в России. М.: Индрик, 1994. С. 42–50.
5. Елепова М. Ю. Эстетика В. А. Жуковского в апофатическом контексте // Дискуссия. 2012. № 4 (22). С. 176–178.
6. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука, 1995–2002. Т. 1, 4.
7. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянская мифология // Мифы народов мира: в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 450–456.
8. Камаль З. А., Чарыкова О. Н. Роль фитонимов в репрезентации художественной картины мира С. Есенина // Вестник Воронежского государственного университета. 2011. № 1. С. 78–80.

References:

1. Vinogradova, L.N. & Usacheva, V.V. (1995) Bereza [Birch]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: v 5 t.* [Slavic Antiquities: In 5 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 156–160.
2. Gachev, G.D. (2008) *Mental'nosti narodov mira* [Mentalities of the Peoples of the World]. Moscow: Algoritm; Eksmo.
3. Dudareva, M.A. (2020) The Apophatics of the Russian Language and Culture in the Works of Nikolay Gumilyov (On the Example of the Poem "The Giraffe"). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 98–104. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.009
4. Eleonskaya, E.N. (1994) Predstavlenie "togo sveta" v skazochnoy traditsii [Representation of the "Other World" in the Fairytale Tradition]. In: Toporkov, A.L. (ed.) *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii* [Fairy Tale, Spell and Witchcraft in Russia]. Moscow: Indrik. pp. 42–50.
5. Elepova, M.Yu. (2012) Estetika V.A. Zhukovskogo v apofaticheskom kontekste [V.A. Zhukovsky's Aesthetics in an Apophatic Context]. *Diskussiya*. 4 (22). pp. 176–178.
6. Yesenin, S.A. (1995–2002) *Polnoe sobranie sochineniy: v 7 t.* [Complete Works: In 7 Volumes]. Vols 1, 4. Moscow: Nauka.

9. Культурология. XX век: словарь / Сост. и ред. А. Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1997.
10. Логинова М. В. Онтология выразительности в культуре XX века: дис. ... д-ра филос. наук. Саранск, 2003.
11. Маркин П. Ф. Мифопоэтика древесно-растительного кода в поэтических текстах Велимира Хлебникова // Культура и текст. 2004. № 7. С. 197–206.
12. Марченко А. М. Поэтический мир Есенина. М.: Советский писатель, 1972.
13. Новикова М. В. Образ мирового древа в творчестве С. Есенина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2013. № 11. С. 74–79.
14. Панченко А. М., Смирнов И. П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX века // ТОДРЛ XXVI. Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX вв. М.: Наука, 1971. С. 33–49.
15. Порус В. Н. Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре // Вопросы философии. 2005. № 11. С. 24–37.
16. Рычков А. В. Какую историю следует изучать в вузе // Омский научный вестник. 2018. № 1. С. 82–85.
17. Соколова М. Г. Сопоставительная характеристика образных полей «тополь — человек» и «клен — человек» в русской поэзии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 45–53.
18. Соколова М. Г. Типы семантических преобразований дендронимов в поэтических текстах А. В. Ширяевца // Филология и человек. 2020. № 2. С. 19–28.
19. Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М.: Тип. Боровинско-Волдаевского Кустарного и Сельско-Хозяйств. Союзного Т-ва, 1922.
20. Франк С. Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. М.: АСТ, 2007.
21. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
22. Шукуров Д. Л. Дискурсивная практика русского авангарда (проблемы апофатки литературно-художественного стиля) // Вестник ИГЭУ. 2006. Вып. 1. С. 83–87.
23. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
24. Dudareva M. Apophatic elements in the poetry of S. A. Yesenin: Thanats' characters // AMAZONIA INVESTIGA. 2019. Vol. 8. N 22. P. 51–57.
7. Ivanov, V.V. & Toporov, V.N. (1987) Slavyanskaya mifologiya [Slavic Mythology]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: v 2 t.* [Myths of the Peoples of the World: In 2 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 450–456.
8. Kamal', Z.A. & Charykova, O.N. (2011) The Role of Phytonyms in S. Esenin's Artistic Worldview. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication.* 1. pp. 78–80. (In Russian).
9. Levit, A.Ya. (ed.) (1997) *Kul'turologiya. XX vek: slovar'* [Culturology. The 20th Century: A Dictionary]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
10. Loginova, M.V. (2003) *Ontologiya vyrazitel'nosti v kul'ture XX veka* [Ontology of Expressiveness in the Culture of the 20th Century]. Philosophy Dr. Diss. Saransk.
11. Markin, P.F. (2004) Mifopoetika drevesno-rastitel'nogo koda v poeticheskikh tekstakh Velimira Khlebnikova [Mythopoeitics of the Tree and Plant Code in Velimir Khlebnikov's Poetic Texts]. *Kul'tura i tekst.* 7. pp. 197–206.
12. Marchenko, A.M. (1972) *Poeticheskiy mir Esenina* [Yesenin's Poetic World]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
13. Novikova, M.V. (2013) The Image of the World Tree in S. Esenin's Works. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta.* 11. pp. 74–79.
14. Panchenko, A.M. & Smirnov, I.P. (1971) Metaforicheskie arkhetyipy v russkoy srednevekovoy slovesnosti i v poezii nachala XX veka [Metaphorical Archetypes in Russian Medieval Literature and in Russian Poetry of the Early Twentieth Century]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *TODRL* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. XXVI. Moscow: Nauka. pp. 33–49.
15. Porus, V.N. (2005) *Obzhit' katastrofu. Svoevremennye zametki o dukhovnoy kul'ture* [To Live With the Catastrophe. Timely Notes on Spiritual Culture]. *Voprosy filosofii.* 11. pp. 24–37.
16. Rychkov, A.V. (2018) What Kind of History to Study at University. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 1. pp. 82–85. (In Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2018-1-82-85
17. Sokolova, M.G. (2020) Comparative Characterization of the Figurative Fields "Poplar – Human" and "Maple – Human" in the Russian Poetry. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University.* 42 (7). pp. 45–53. (In Russian). Doi: 10.15393/uchz.art.2020.538
18. Sokolova, M.G. (2020) Types of Semantic Transformations of Dendronyms in A.V. Shiryayevets Poetic Texts. *Filologiya i chelovek – Philology & Human.* 2. pp. 19–28. (In Russian). DOI: 10.14258/filichel(2020)2-02
19. Trubetskoy, E.N. (1922) *"Inoe tsarstvo" i ego iskateli v russkoy narodnoy skazke* ["Another Kingdom" and Its Seekers in the Russian Folk Tale]. Moscow: Tip. Bоровинско-Voldayskogo Kustarnogo i Sel'sko-Khozyaystv. Soyuznogo T-va.
20. Frank, S.L. (2007) *Nepostizhimoe: ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii* [The Unknowable: An Ontological Introduction to the Philosophy of Religion]. Moscow: AST.

21. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika.

22. Shukurov, D.L. (2006) Discourse Practice of Russian Avant-Guard (the Problem of Fiction Style Apophathy). *Vestnik IGEU*. 1. pp. 83–87. (In Russian).

23. Eliade, M. (1994) *Svyashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Profane]. Translated from Romanian. Moscow: Moscow State University.

24. Dudareva, M. (2019) Apophatic Elements in the Poetry of S.A. Yesenin: Thanats' characters. *AMAZONIA INVESTIGA*. 8 (22). pp. 51–57.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Дударева, М. А. Апофатический горизонт русской поэзии, или что увидел есенинский клен / М. А. Дударева // Наследие веков. – 2021. – № 1 – С. 93–99. DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.007

Full bibliographic reference to the article:

Dudareva M. A. (2021) The Apophatic Horizon of Russian Poetry, or What Yesenin's Maple Saw. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 93–99. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.007